Конкурсное задание фестиваля «Пушкин в Британии» Ностальгия. Приступ.

Всё те же мы — нам целый мир чужбина. Соблазнами сверкая напоказ, он возбуждает ум и тешит глаз, закаты красит кровью голубиной, алмазы рассыпает и рубины по небоскрёбам, острым, как ножи —

Ведь ты приедешь, милая, скажи?

Увезу я девицу,

никуда не денется, искупаем в здешней росе – будет как все.

~

Я бы тебе рассказала про свет водяной, сонный, больной, невечерний, неяркий, нерезкий, запах тяжёлый, осенний, предсмертный, грибной, тёмные омуты, мхи, камыши, перелески, Я бы тебе рассказала...ты слышишь, родной?

Darling, what's that word you just said?

небо – лазурной аркой, на пляже душно и жарко, температура который год постоянна – 451 градус по Фаренгейту... Как я ждала тебя, лето, ах лето, как ворожила, как вызывала, только я столько лета – не заслужила:

Это без пули – смерть, это без прутьев – клеть, волны – сонной нирваной,

лета должно быть мало.

Ты знаешь: я когда-нибудь уйду по внутреннему звончатому льду к пустому разорённому гнезду, Остоженке, Пречистенке и Пресне, и запоют в ночи колокола, и за плечами встанут два крыла, и девочка — душа моя — воскреснет.

Хоть сто железных посохов сточи,

хоть сто сапог чугунных истопчи, хоть обкричись от горечи и боли — тебе нельзя идти туда со мной, покуда не скажу тебе — родной, и не услышу верного пароля.

Городу С

Город – не при параде. Город на кухне грязной курит табак английский в старом халате рваном. Чайка на парапете смотрит стеклянным глазом – стойкий живой солдатик в зыбком плену тумана.

Дождь размывает память, дождь растворяет нервы, дождь барабанит в плитку каменных крыл театра,

тонкой и тусклой леской с морем сшивает небо и набивает полость влажной уютной ватой.

Как ты теперь – без блеска? что ты теперь – без синей бездны над синей бездной, парусной, белопенной? Сходу твой козырь главный бьют дождевые клинья и обнажают остов: ломкий, непрочный, бренный.

Вот ты какой, однако — честной твоей печалью раненная навылет, сяду, прижмусь к ограде... Город, налей мне чаю; город, пришли мне чайку вестницей перемирья — думаю, мы поладим.

Migraine

Механизм запущен и быть беде, Не хочу – ни с кем, никогда, нигде, Но меня никто не спросил. Маdame, enchanté и comment ça va, Скрипят, вращаются жернова: Не боли, моя голова, Гордо себя неси.

На приеме сегодня полно людей,

Так плывёт по речке утица-мать, Утюжком наводит на водах гладь, Потом невзначай обернётся — глядь, Ни селезня, ни утят. Крылом успеет всплеснуть едва — И про неё споёт тетива, Не боли, моя голова, А то ведь укоротят.

У пирожных странный солёный вкус, В позвонках навязчивый тихий хруст, Лицедейство — высшее из искусств: Давай уже, выходи. Белый плат, ни шитья, ни шва,

Толпа, не помнящая родства –

Не боли, моя голова, Минуточку погоди!

Вот оно, движение в штопор, вниз, Небосвод погас, горизонт провис, И стальной, шальной, окосевший свист Обрёл смертоносный вес... Боли, боли, моя голова,

Моргай, покуда ещё жива, Покуда не поползла трава Горлу наперерез.

Кружатся карусели в садах цифрового Тиволи, Клювиком щёлк да щёлк механический соловей. Я не могу. Я слишком опримитивела. Мне бы чего попроще, да поживей.

Но отсюда уже никуда – если только в небо, а в небе Облака, словно белые полосы по судьбе... Витька, ты говорил, у тебя есть краюшка хлеба – Дай откусить: молоко забери себе.

Нам с тобой хватит: скоро уже обитель, Там и колодец, и кочет с плетня кричит, А на пороге боженька: милые, заходите:

У меня молока залейся, и хлеб в золотой печи.